

*Библиотека
Филолога*

Г. Н. ВОРОНЦОВА

ОЧЕРКИ
ПО ГРАММАТИКЕ
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
I. Характерные явления, пронизывающие систему современного английского языка	20
1. Омонимика	20
2. Полисемантизм и полифункциональность	37
3. Стяжение	61
II. Морфология	91
А. Категории и структуры формообразования	103
а) Число	105
(1) у существительного	105
Существительные, лишенные категории числа	108
Существительные, обладающие категорией числа	110
(2) у местоимений	157
(3) у глагола	165
б) Падеж	168
в) Лицо	184
г) Время и вид	187
д) Залог	222
е) Наклонение	240
I. Индикатив	250
II. Оптатив	250
(а) императив	250
(б) дежидератив	263
(в) субьюнктив оптатива	268
III. Спекулятив	280
IV. Презумптив	291
ж) Степени сравнения	299
Б. Некоторые категории и структуры словообразования	324
а) Категория одушевленности	329
б) Категория абстрактности	335

БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА

Г. Н. ВОРОНЦОВА

**ОЧЕРКИ
ПО ГРАММАТИКЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
Москва 1960

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА»
ИЗДАЕТСЯ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. Н. С. ЧЕМОДАНОВА

О Т А В Т О Р А

О строевой системе английского языка существуют самые разнообразные мнения. Некоторые исследователи считают, что современный английский язык в своем развитии перешел границы утраты флексий, допустимые для индоевропейских языков, и поэтому не должен более считаться членом индоевропейской семьи. Другие все еще упорно называют современный английский язык флективным. Это — крайние точки зрения. Остальные занимают промежуточное положение, иногда тяготея к одной из крайних. Чаще всего языки типа английского (и английский в том числе) называют аналитическими, что практически стало означать «почти лишенный флексий» или «пережиточно сохранивший незначительное число флексий».

Какие же особенности наблюдаются в языке, почти совершенно утратившем флексии? Априорно можно сказать, что в системе такого языка должны были произойти глубочайшие сдвиги, в процессе которых изменились роль и значение отдельных элементов системы.

Настоящая книга представляет собой результат многолетних наблюдений автора над фактами грамматического строя английского языка и стремления осмыслить их участие в образовании его специфики. Автор, понятно, не считает свою трактовку явлений ни единственно возможной, ни окончательной, поскольку все языковые явления многосторонни, и, по существу, ни одно из них не исследовано во всей полноте. Но он надеется, что даже несогласие с его точкой зрения может оказаться плодотворным, может натолкнуть на более углубленные исследования. Мне бы хотелось настоящей книгой содействовать вовлечению преподавателей, начинающих научных работников, аспирантов и студентов в дискуссию по целому ряду как поднятых здесь, так и только намеченных проблем. В основе моей концепции о строевой системе современного английского языка лежат три известные представления; их можно сформулировать следующим образом: 1) актив-

ное взаимодействие лексических и грамматических явлений, сотрудничающих друг с другом и дополняющих друг друга: поскольку грамматический строй беден формативными элементами, лексические значения нередко участвуют в организации смысла грамматических построений («использование» грамматикой лексико-семантических категорий); 2) употребление слов в качестве формативов; здесь следует различать выработку формативов, с одной стороны, и распространенное окказиональное применение слова в функции форматива, с другой. В последнем случае такая функция обычно сосуществует с выполнением словом своего назначения как лексемы, причем преобладает одно или другое назначение; 3) многообразное использование одного структурного типа, одной формы, одного слова (что нередко означает переосмысление отдельных элементов строевой системы).

Кроме отдельных, может быть непривычных или не совсем привычных трактовок, читатель встретит в этой книге несколько непривычных или — чаще — малопривычных терминов. Некоторые из них приняты потому, что автор считал значение данного термина лучше других отвечающим существу обозначаемого явления; некоторые — потому, что они, по мнению автора, лучше соответствовали терминологической системе, применяемой в данной области; наконец, есть и такие, которые появились потому, что автор не смог найти лучшего обозначения для данного ряда явлений. В любом случае автор старался быть последовательным, но он будет весьма благодарен за предложения, направленные как на усовершенствование терминологии, так и на устранение имеющихся в книге упущений.

В связи с этим автор уже сейчас считает своим приятным долгом выразить благодарность Б. А. Ильишу и В. Н. Ярцевой за их ценные замечания, сделанные ими при просмотре рукописи, а также М. Н. Клазу, Т. Н. Степановой и Н. А. Лукмановой за их помощь в работе над книгой; М. М. Галинской и некоторым студентам переводческого факультета МГПИИЯ за отдельные интересные примеры.

Эта книга — «Очерки». Она не представляет собой ни полного описания грамматического строя английского языка, ни учебника по соответствующему теоретическому курсу. Все же автор надеется, что книга сможет быть полезной как своего рода пособие по теории современной английской грамматики. В качестве иллюстративного материала были использованы не только образцы классической литературы Англии и Америки, но и разнообразные в жанровом отношении произведения последних десятилетий.

10 декабря 1957 г.

ВВЕДЕНИЕ

Грамматический строй современного английского языка принадлежит к так называемому «аналитическому» типу, противопоставляемому обычно типу «синтетическому». При этом противопоставлении под «синтезом» или («синтетизмом») большей частью понимается нерасторжимая слитность в лексико-смысловом и формальном строении слова тех его элементов, которые образуют его вещественное содержание, и тех, которые являются носителями его грамматической характеристики. Из последних, с точки зрения грамматической типологии, важнейшая роль принадлежит элементам синтаксического значения, служащим для соединения слов в словосочетания и в предложения.

Так, например, в русском языке слово *десна* в форме родительного падежа множественного числа имеет вид *дѣсен*. Мы видим, что сдвиг ударения с окончания на корень слова в комбинации с чередованием звуков в самом корне образует грамматический признак множественного числа; но главным является то, что форма родительного падежа, служащая показателем синтаксической зависимости и, следовательно, средством выражения синтаксической связи, образуется здесь, кроме нулевого окончания, путем включения беглого гласного: *дѣс-е-н* (в произношении [-и-]) между последними согласными корня. Значит, все грамматические показатели, так или иначе, но самым тесным, неразрывным образом сплетены в строении слова с теми его элементами, которые служат для выражения его лексической сущности [д'и/осн]. Следует отметить к тому же, что наличие беглого гласного при отсутствии конечной флексии (в форме *дѣс-е-н*) представляет собой признак не

только падежа, но и числа, поскольку в единственном числе ни в одной падежной форме беглого гласного нет, а флексия есть у каждого из падежей.

Для явления синтетического порядка в языке характерны, следовательно:

1) вплетение грамматических показателей в самую ткань строения слова и

2) сочетание в одном показателе нескольких грамматических характеристик слова.

Для языка синтетического типа характерно подавляющее преобладание явлений указанного порядка и, главное, выражение синтаксических отношений между словами средствами форм самих связанных между собою слов.

Поэтому важнейшим признаком типа грамматического строя данного отдельного языка является то, как, каким образом происходит в нем соединение слов при построении словосочетаний и предложений.

Хотя русский язык является типологически смешанным, в нем все же есть ряд синтетических черт, которые позволяют писателям пользоваться синтаксическими построениями, невозможными для многих других индоевропейских языков, например:

И Ленский пешкою ладью
Берет в рассяяньи *свою*.

Форма винительного падежа единственного числа определяемого, с которой согласуется падежная форма определителя, помогает нам установить синтаксическую отнесенность слова *свою* несмотря на его необычное местоположение.

Чем богаче язык такими формами, тем меньше он нуждается в строгой регламентации порядка слов и в служебных словах, специализированных на выражении отношений между другими, более вещественно-значимыми словами (ср., например, древнегреческий язык).

В грамматической системе английского языка есть всего несколько форм, которые с большим или с меньшим основанием можно назвать синтетическими. Это формы глагола *be*: *am, art, is, are; was, were*; у других глаголов — форма

3-го лица единственного числа в презенсе индикатива, с флексией -(e)s, и — только как противостоящая ей в том же времени — форма без -(e)s. Остатки синтетизма обнаруживаются также у нескольких местоимений, обладающих разными либо падежными, либо числовыми формами (he — him, they — them, this — these) ¹.

Естественно поэтому, что в синтаксических построениях современного английского языка широко используются: соединительные слова, закреплённость условного местоположения элементов предложения относительно его начала и конца и относительно друг друга (порядок слов), формальная и интонационная отработанность ряда синтаксических формул, паузировка и иногда акцентуация. Рассмотрим предложение:

After a stiff Sunday dinner with the family, she demanded to be escorted back to the railroad station by young Jasper, upon whose size and strength and handsomeness she had remarked with enthusiasm. (F. De l l)

Это типичное для английского языка предложение. В нём 6 предлогов (after, with, to, by, upon, with); одно связующее (т. е. выполняющее и служебную функцию) местоимение (whose), одна установившаяся формула (demanded to be escorted), поддержанная конструкцией с предлогом by; пять случаев выражения синтаксической связи посред-

вом так называемого «порядка слов» (a stiff Sunday dinner, the railroad station, young Jasper; to be escorted back), не считая отработанного места сказуемого, следующего за подлежащим. «Порядок слов» оказывает поддержку почти всем остальным средствам синтаксической связи: это особенно ярко проявляется в расположении частей внутри придаточного предложения.

На фоне всего этого только одна форма личного местоимения she сама по себе является признаком его роли подлежащего (если не считать его места перед сказуемым,

¹ Причисление суффиксальных форм степеней сравнения прилагательных и прошедшего времени (претерита) глагола к синтетическим образованиям, встречающееся у некоторых исследователей, мне представляется неправомерным, а расширение применения термина нежелательным.

поскольку форма *she* может иметь функцию и предикативного члена) в противопоставлении форме *her*¹.

Предлог, место в предложении, закрепленное положение в составе отработанной формулы, интонационная оформленность — все это внешние признаки синтаксической связанности слова. Они не входят, подобно флексии, неотъемлемой частью в самое строение формы слова, хотя могут представлять собой элементы структуры члена предложения.

Известно, что для английского языка характерны именно эти средства выражения связи между знаменательными частями предложения; поэтому его синтаксический строй, в отличие от «синтетического», действительно можно определить как «аналитический». Этим термином, в таком его применении, обозначается, следовательно, раздельность слова, как особой части лексико-вещного состава предложения, и тех внешних по отношению к нему примет, материально не принадлежащих самому собственно слову, которые делают его членом структуры словосочетания или предложения.

В связи с этим следует заметить, что, когда мы говорим: такой-то член предложения выражен таким-то словом, — это правильно лишь приблизительно. «Член предложения» никогда не может быть просто «словом», даже если это слово самой своей формой указывает на выполняемую им синтаксическую функцию. «Член предложения» это — минимум — «слово» плюс его синтаксические связи. Поэтому мне представляется также не совсем правильным положение, что единственной единицей языка является слово, которое в грамматике может рассматриваться либо с морфологической, либо с синтаксической стороны.

¹ Не следует думать, что местоимение *whose* как-то сходно в этом плане с местоимением *she*. У слова *whose* нет других форм; и ограниченность его синтаксических функций вытекает из лексического значения *whose* ('чей', а не 'кого') и его принадлежности к подклассу притяжательных местоимений, а не из спецификации смысла каких-либо формальных различий в строевой системе самого слова. Ведь и прилагательные употребляются, как правило, только в функциях атрибута и именного члена составного сказуемого, но у них тоже нет особых форм для выражения синтаксических связей, в которые они вступают в составе предложения.

С л о в о в синтаксисе — не то же, что слово в морфологии. В морфологии каждое слово выступает в качестве отдельной единицы свободного лексико-грамматического ряда, образуемого такими же отдельными, хотя в каких-то общих чертах и подобными друг другу, словами. В предложении слово — это семантически отягощенный, связанный как в вещественно-смысловом, так и в формально-смысловом плане член синтаксического целого. Даже в предложениях, состоящих, как обычно говорят, «из одного слова», в виде кратких реплик в беседе или в качестве назывных предложений, вроде: (“Have you ever seen it?”) — “Never” или: “Night”. “Rain”, это «слово» связано контекстом, ситуацией, своей функцией предложения, интонацией. Семантическая отягощенность «слова» в предложении имеет, таким образом, двусторонний характер, вследствие связанности слова смысловым назначением предложения и вследствие его связанности теми отношениями, которые налагаются на него его ролью в структуре предложения.

С п о с о б ы р а ж е н и я этих отношений и является ведущим в определении типа грамматического строя языка и, подобно ему, называется обычно «аналитическим», если характеризуется автономностью по отношению к строению знаменательных слов.

Но английский и сходные с ним языки называются обычно «аналитическими» не только по способу выражения синтаксических связей, но и на том основании (и иногда главным образом на том основании), что у них и самое строение слова нередко представляет собой комбинацию отдельных компонентов. Это явление наблюдается не только в структуре грамматических форм, но и в ряде моделей строения лексем. Ср., например, сложные грамматические формы: had tried, did (not) harm (her); и лексические модели: had a try, did harm (to her). Этим внешним сходством раздельности компонентов у грамматической формы и у составной лексемы объясняется то, что нередко для обозначения как той, так и другой применяется в зарубежной англистике один термин: phrase.

В строение составных лексем и сложных грамматических форм входят, обычно, минимум два компонента: вещественно-знаменательный и служебный. Второй служит,

в основном, для формирования структуры¹ данного особого значения и назначения.

Например, в форме *had tried* служебный компонент *had* является основным средством образования значения перфектного прошедшего (плюсквамперфекта) и поэтому — показателем этого значения. В составной лексеме *had a try* компонент *had* также играет служебную роль, поскольку носителем лексического содержания этой глагольной единицы является именная компонент *try*; функцию *had* можно сравнить с функцией суффикса, посредством которого образуется глагол от существительного: *tummy + -fy = tumtify (make a tummy [of])*. Следовательно, с помощью *had* в *had a try* формируется глагольное значение целого. Назначение *had* в этих двух случаях различное, но в каждом случае это — компонент формативный.

Формативные элементы (или — короче — «форманты»)² могут быть классифицированы по различным признакам. Различаются форманты слов, словосочетаний и предложений. У слов различаются форманты словообразования и

¹ Термин «структура» на протяжении всей книги употребляется в одном из следующих двух, тесно связанных между собой, значений:

1) в более или менее синонимичном значению слова «строение» (структура слова, словосочетания, предложения, грамматической формы и т. п.), но с более специальным и самостоятельным смыслом «совокупности ведущих и формативных элементов»;

2) в более или менее синонимичном значению термина «образование» в его результативно-статическом смысле (как, например, в заглавии: «Образование типа *stone wall*»), но без результативного оттенка в семантике, т. е. «единица языка, имеющая определенное строение (обычно членимое на ведущий и формативный элементы)».

Термин же «форма» будет, в основном, применяться для обозначения не одного только строения слова или какого-либо другого элемента языка, но также (вместе с тем) и семантики его структурного состава. Поэтому возможны такие словосочетания как «структура формы», употребляемые в том случае, когда имеется в виду только внешняя сторона последней.

² Любой строевой элемент языка, функционирующий в качестве служебного, может быть обозначен термином «формант», в соответствии с пониманием термина автором настоящей книги. Такое же широкое употребление термина «морфема» (см. хотя бы у Д. Ж. Эйкена) мне представляется нежелательным: морфема должна принадлежать области морфологии, но не синтаксиса или «синтаксического» способа образования (составных) слов.

форманты словоизменения (в склонении имен, спряжении глаголов, в степенях сравнения); у словосочетаний и предложений — форманты соединительные, опорные и выполняющие обе эти функции одновременно. Как мы видели выше, можно различать также форманты — не-слова́ и форманты — слова́; форманты, материально выраженные, и форманты, материально не выраженные («нулевые»); обязательные (например, **-ing** первого причастия и у герундия) и не обязательные, факультативные (например, частица *to* при инфинитиве, являющаяся, подобно артиклю, только обычным сопроводителем).

К формантам слов принадлежат в первую очередь аффиксы: префиксы, инфиксы, суффиксы; затем — флексии и элементы, меняющиеся по принципу «чередования». В глаголе *strengthened* мы можем обнаружить два словообразовательных суффикса: **-th-** (*strong* → *strength*) и **-en-** (*strength* → *strengthen*), словообразующее чередование гласного в корне (**-o-** → **-e-**), сопутствующее первому из суффиксов, и один суффикс словоизменения: **-ed**. Термин «флексия», применяемый иногда слишком широко¹, желательно сохранить только для обозначения изменяемой части у ряда однопорядковых грамматических форм. Так, например, в глаголе *speaks* можно окончание **-s** назвать флексией, так как оно противопоставляется «нулевому» окончанию в (I) *speak* и может даже быть противопоставлено окончанию **-(e)st** в *(thou)speakest*; все они принадлежат ряду форм со значением единственного числа в презенсе индикатива.

Хотя словосочетание, как правило, по своей функции в синтаксической системе языка скорее подобно слову, чем предложению, форманты у него сходны с формантами последнего.

У словосочетания и у предложения форманты бывают одинаковые, как соединительные, так и опорные. Например, предлог в словосочетании: *look at it*, и в предложении: *we look at what has become of it*, служит средством соединения в одном случае слов, в дру-

¹ См. М. М. Вгунт. *Modern English and Its Heritage*. Она называет *inflection* формативные элементы как словоизменения, так и словообразования.

гом — предложений. В словосочетании: *find it difficult to believe the news*, слово *it* выполняет функцию опорного форманта (ср.: *find it difficult to believe*, где *it* — не опорный формант, а дополнение указательно-местоименного характера). То же *it* является опорным и для структуры предложения, например, такого типа, как: *it is difficult (for me) to believe the news*, где *it*, по-видимому, следует считать безличным.

В различных синтаксических конструкциях роль опорных формантов играют многие местоименные слова, к которым можно присоединить и лексически опустошенные *fact, matter, thing, affair, stuff*. Иногда в этой роли выступают и такие слова, как *man, woman*.

Связующих формантов в системе предложения больше, чем в системе словосочетания. Сюда входят, помимо союзов, относительные и соединительные местоимения и наречия, которые могут одновременно служить и структурными опорами, например:

There is a man who wants to buy the picture.

Среди синтаксических формантов есть ряд таких, которые в составе предложения принадлежат одному из его членов, не как компоненту словосочетания. Ф о р м а н т о м с т р у к т у р ы ч л е н а п р е д л о ж е н и я может быть и такой, который в обычной своей функции служит связующим элементом внутри словосочетания, но может быть использован не в этой роли, а для формирования отдельной части всего синтаксического целого, — какой-нибудь предлог или послелог 's¹, например:

They were for the most part intestine troubles.
This coat is my brother's.

¹ Формант 's в современном английском языке является чаще всего синтаксическим, как благодаря своему происхождению от древней падежной флексии, так и потому, что его наиболее распространенной функцией остается соединение компонентов атрибутивного словосочетания. Значение падежного форматива им утрачено (см. об этом подробнее в очерке «Падеж»), вследствие чего он получил известную подвижность и некоторую долю относительной самостоятельности, хотя несколько более слабую, чем у предлога. У него развилась также функция оформлять лексическое значение «места» у слов, обычно обозначающих человека.

Но главными формативными элементами в строении члена предложения являются служебные глаголы, входящие в состав различных сложных предикативных образований: глаголы-связки; грамматически и лексически обособившиеся модальные глаголы («недостаточные»); специализированные, благодаря их лексической специфике, глаголы, которые обозначают начало, продолжение или конец действия, т. е. создают определенную в и д о в у ю окрашенность сложного сказуемого. Наряду с такими глаголами в состав сложного сказуемого могут входить служебные формулы, вроде: *had ('d) better, would ('d) rather, is going* и т. п.

Тот факт, что в английском языке действительно широко развито употребление сложных образований членов предложения, форм спряжения, степеней сравнения, а также определенных типов лексем, в которые в качестве формативного элемента входит не аффикс, а служебное с л о в о, а также то, что слова же выступают в распространенной функции опорных синтаксических формантов,— также считается обычно ярким признаком «аналитичности» английского языка. Иногда этот признак даже затушевывает гораздо более важный факт специфики выражения синтаксических связей (ср. наличие развитой системы сложных форм спряжения в флективном древнерусском языке), хотя в действительности язык аналитического типа может и не иметь сложных форм словоизменения.

За рубежом, в буржуазной лингвистике, развитие сложных структур с формативными элементами-словами иногда рассматривается как свидетельство развитости «аналитического мышления», а не как результат исторических процессов, совершавшихся в языке в силу его внутренних предпосылок и тенденций и под влиянием особенностей исторических судеб данного народа. Есть и ученые, серьезно занимавшиеся историей развития и формирования современных аналитических языков и все же оказавшиеся под влиянием представления о прямой связи между типичными строевыми чертами языка и характером (или уровнем) мышления говорящего на этом языке народа. К последним относится один из крупнейших исследователей английского языка датчанин Отто Есперсен.

Начав исследование языков аналитического типа, сначала своего родного датского, затем английского, Есперсен вскоре поставил перед собой задачу доказать правомерность этого типа как следующей (и, по его мнению, необходимой) ступени в развитии бывших флективных языков. На защиту этой точки зрения Есперсена, по собственному его свидетельству¹, толкнуло распространенное в XIX веке мнение, что современные западноевропейские языки, лишившись большинства старых флексий, пришли в состояние упадка, деградации, если не полного вырождения.

К этому первоначальному протесту Есперсена нельзя не присоединиться. Несомненно, у таких языков, как французский, датский и английский, аналитический строй представляет собой типологическую систему, сменившую систему флективную. Нельзя не согласиться с Есперсеном и в том, что аналитические языки ничуть не хуже языков любого другого грамматического типа, поскольку они вполне удовлетворяют своему назначению — быть средством общения и формирования мысли у развитых народов. Но никак нельзя следовать за Есперсеном, когда он впоследствии переходит от апологии к своеобразной агрессии, заявляя о «превосходстве» аналитических языков над флективными².

Это «превосходство» Есперсен и сторонники его точки зрения видят прежде всего в «простоте» грамматического строя «аналитических» языков. Флексии Есперсен уподобляет излишним прикрасам, нарядным, но никчемным безделушкам, дающим лишь простор для всяческих изощрений³. В том же духе высказывается и Джегер⁴, противопоставляющий предпочтительную простоту английского языка сложности латинского.

Но в действительности это упрощение — только кажущееся. Хотя английский язык утратил падежные формы

¹ O. Jespersen. Efficiency in Linguistic Change. København, 1941.

² См., кроме указанной выше, его работу: Progress in Language. London, 1918.

³ См. O. Jespersen. Growth and Structure of the English Language. Leipzig, 1938.

⁴ J. H. Jagger. Modern English. London, 1928.

имен и грамматический род, личные формы глагола и признаки согласования у прилагательного, но в нем сохранились и лишённые былой системности иррегулярные формы употребительнейших глаголов, и отдельные, нарушающие современную систему, формы с чередованием звуков у двух чисел существительного и другие явления, весьма усложняющие его грамматический строй. Кроме того, в отличие, например, от французского языка, в английском языке нет твердых правил образования степеней сравнения, нет последовательности в употреблении артиклей, нет четких норм употребления глагольных времен. При этом в нем вырабатываются, с одной стороны, ряды слов без достаточно ограниченных синтаксических функций, а с другой стороны — слова и формы, употребляемые, например, только атрибутивно или только предикативно. Синтаксис вообще весьма сложен и представляет очень большие трудности не только при овладении им, но и при выяснении функций элементов и характера связей между ними во многих образованиях.

Уязвимость кажущейся простоты английской грамматики уже отмечалась исследователями. Крейзинга¹, в частности, считает, что бедность и простота формообразования в английском языке «возможны лишь благодаря сложности структуры предложения». Тем не менее они нередко оказываются предметом восхищения исследователей. Керм², например, приходит в восторг, сопоставляя два предложения, у которых не только совершенно сходны структуры, но и полностью совпадают все слова и формы, кроме самых последних:

They chose **him** (*acc.*) king.
They chose **him** (*dat.*) a wife.

English is here at its simplest. Form disappears entirely.
(Syntax, p. 96). [Последнее выделено мною. — Г. В.]

Благодаря тому, что среди местоимений 3-го лица единственного числа имеются слова, отражающие разделение

¹ E. Kruisinga. A Handbook of Present-Day English (5th ed., Groningen, 1932), p. II, book 2, § 1579, p. 477.

² G. O. Curme (Curme and Kurath). A Grammar of the English Language. In three volumes. Boston, N. Y., Chicago; vol. II, Parts of Speech and Accidence, 1935; vol. III, Syntax, 1931.